

Всеволод Михайлович Гаршин.

Подлинная история Энского земского собрания

OCR, spellcheck: Pirat

Доп. правка: В. Есаулов, 16 декабря 2004 г.

Маленький уездный городок в тревоге. Со всех сторон понаехали гласные: помещики с остатками прежнего величия явились в каретах и колясках, помещики без таковых остатков и духовенство – в тарантасах, крестьяне... – впрочем, их почти не было в числе гласных уезда.

По улицам, по которым в обыкновенное время прогуливаются только скучающие собаки да сумасшедшая нищая, Марья Ивановна, предполагающая в недалеком будущем выйти замуж за какого-то мифического помещика, господина Растопыркина, о чем она сообщает во всеуслышание, – теперь ходят группы обывателей города и уезда, группы оживленных, озабоченных, горячо толкующих людей. Большею частью они направляются к местному клубу. Здесь все полно; кроме гласных, собрался также и весь город. Говор, стук ножей и вилок, звон посуды. В одном углу высокий седой господин собрал вокруг себя толпу слушателей и заливает их потоками красноречия:

– Да помилуйте, господа, это негодяй, совершеннейший негодяй. Я так и назову его "Гласов". Он, положим, Голосов, ну, да Гласов – это лучше! Я, поверьте, все законы знаю. Я ему такие законы покажу! Я скажу: господин гласный Гласов, хотя вы и все законы знаете...

Слушатели смеются.

– Хотя вы и все, скажу, законы знаете, но я... господин гласный Гласов, иначе...

Гласов проходит мимо. При его приближении все стихает, только слышится сдержанный смех. Седой господин бросает на Гласова взгляд вепря, Гласов отвечает ему тем же. Однако враги расходятся благополучно.

Буфет берется приступом. Рюмки водки и бутерброды исчезают с невероятной быстротой; под влиянием винных паров языки представителей нужд и потребностей населения делаются еще развязнее. Какой-то оптимист, с рюмкой водки в одной руке и с куском балыка на вилке в другой, ликует и восторженно разглагольствует:

– Вот, господа, как наш-то уезд себя знать дает! Мужскую прогимназию открыли, женскую откроем! Письма по почте земской посылать будем! Железную дорогу выстроим! Вот как у нас!

Водка и балык исчезают.

– Вы бы прежде позаботились о мерах против голода, – грустно говорит какой-то маленький человечек – не земец.

Балык представляет важные препятствия свободному выражению мыслей ликующего господина, но наконец он побежден, и из облизывающихся уст вылетает:

– Какой голод?

– А в Муравовской-то волости – копна на десятине.

– Какая копна? Что за голод! Пустяки, никакого голода нет! У меня, батюшка, копна семь мер, слышите? Семь мер в этом году дает. У меня, батенька, пятьсот четвертей в этом году одной пшеницы-с! Вот что-с. Какой тут голод? Урожаи не ниже среднего... У меня, сударь мой...

– Помилуйте, какой голод! – громко вмешивается третий собеседник, господин джентльменского вида. – Я предлагаю тридцать копеек в день, и никто не идет ко мне работать. Разве это нужда? Поверьте, если бы они нуждались, они бы и за гривенник пошли.

– Да ведь я говорю только, что в Муравовской волости...

– Нет, позвольте-с! У меня в самом Муравове погреб. Если бы был голод, разве не было бы заметно по отпуску спирта?

– Пьяницы! – перебивает мрачный отставной генерал, хранящий в своем сердце предания "Вести".

– А? Разве не было бы заметно? – победоносно кричит изящный владелец погреба, наклоняясь своей бородой к самому лицу низенького протестанта. – Они, милостивый государь, водку пьют, как и всегда! А вы в набат, голод...

– Дармоеды! – гремит генерал и, полный негодования, требует рюмку хересу.

Низенький человечек скромно удаляется.